

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов, спасенные жизни мирных людей — за всем этим стоят бойцы спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ВИРУС НЕНАВИСТИ

Спецназ Берии. Герои секретной войны

Александр Тамоников

Вирус ненависти

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Вирус ненависти / А. А. Тамоников — «ЭКСМО»,
2023 — (Спецназ Берии. Герои секретной войны)

ISBN 978-5-04-197731-3

Роман о военном времени, о сложных судьбах и опасной работе неизвестных героев, вошедших в ударный состав «спецназа Берии». 1944 год. Советское командование получает донесение разведки о том, что отступающие фашисты готовят заражение местности на западе Украины. Для этого они намереваются распространять в населенных пунктах отравленные детские игрушки, сладости и одежду. Группе Максима Шелестова поручено найти и уничтожить эшелон с опасными «гостинцами». Оперативники прибывают в лабораторию, где изуверы проводили опыты над детьми, и находят там интересующую их документацию. Возможно, в ней указано место, где хранится смертельный вирус... Шелестов понимает, что озлобленные неудачей гитлеровцы могут в любой момент реализовать задуманный план. Счет пошел на часы и минуты... «Эта серия хороша тем, что в ней проведена верная главная мысль: в НКВД Лаврентия Берии умели верить людям, потому что им умел верить сам нарком. История группы майора Шелестова сходна с реальной историей крупного агента абвера, бывшего штабс-капитана царской армии Нелидова, попавшего на Лубянку в сентябре 1939 года. Тем более вероятными выглядят на фоне истории Нелидова приключения Максима Шелестова и его товарищей, описанные в этом романе». — С. Кремлев.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197731-3

© Тамоников А. А., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Александр Тамоников	6
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Тамоников

Вирус ненависти

Иллюстрация на обложке Владимира Нартова

© Тамоников А. А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Глава 1

Рассвет окрашивал розовым цветом низкие облака. А небо как будто сопротивлялось краскам, оставаясь серым и недобрым. На рассвете атака, и каждому бойцу все вокруг кажется подчиненным этому событию, этому мигу между жизнью и смертью. Суровые лица солдат, проверяющих свое оружие. Каждое лицо сосредоточено. Холодная броня танков, подсыхая трава с комьями земли на траках гусениц. Но вот взошло солнце, облака, казалось, послушно расступились, и небо полыхнуло глубокой лазурью. Лучи солнца осветили лес и поле, заиграли всеми цветами радуги капельки росы на броне.

– Красиво как, – невольно произнес вполголоса молодой автоматчик Пашка Селиверстов. – И не верится, что через пять минут снова война, смерть...

– Это еще не красиво, – хмыкнул черноглазый Янко Пеняк. – Вон там будет красиво. Доживешь, Пашка, и узнаешь, что такое красиво, а что нет.

– Где это там? – уставился на солдата Пашка, начавший было надевать на голову каску.

– А вон там, впереди! Видишь горы впереди? Карпаты. Моя родина, мой дом. Я же гуцул. Склоны, поросшие лесами, хвоя пьянит своим запахом, ледяные потоки сбегают с гор, чистые, как слеза. А песни! Какие песни поют гуцульские девушки! Заслушаешься.

– Ты еще скажи, что гуцульские девушки самые красивые, – рассмеялся Пашка.

– Конечно, – уверенно сказал Янко. – А ты разве не знал?

Ответить Селиверстов не успел. Над перелеском пронеслись команды «заводи» и «по машинам». Десант из автоматчиков быстро забрался на броню «тридцатьчетверок». Вчера поздно вечером каким-то чудом к танковой группе пробилась несколько машин со снарядами. Пополнив боезапас, командир решил, что для одного броска горючего хватит. Должно хватить, главное, быстрее выскочить к концлагерю, не дать фашистам уничтожить или эвакуировать узников. Кто-то даже уточнял, что лагерь детский. Бойцы рвались в бой, у каждого дома остались сестры, братья, дети, племянники. У каждого танкиста и автоматчика на броне сердце кровью обливалось от мыслей, что могли творить гитлеровцы с детьми в таких вот лагерях.

Поредевший во время прорыва танковый батальон развернулся в степи широким фронтом и пошел вперед. Гулко ударила пушка первого танка, потом второго. Моторы ревели на пределе, и танки шли на максимальной скорости, насколько позволяла местность. Преодолеть открытое пространство, сблизиться с противником, подойти ближе к позициям фашистов. Вот уже видны столбы с колючей проволокой, пулеметные вышки и низкие бараки. Снаружи несколько холмиков, видимо дзоты. Снова несколько выстрелов танковых пушек по целям, которые могли оказаться огневыми точками. А потом советские солдаты увидели, что среди охраны лагеря началась невероятная паника.

Несколько грузовиков вынырнули из-за барачных корпусов и попытались уехать в сторону дороги, но два из них тут же были разнесены взрывами от танковых снарядов. В одном из дзотов заработал немецкий пулемет, но ближайший советский танк, даже не стреляя, просто гусеницами разнес по бревнышку огневую точку. Два танка прорвались на территорию концлагеря, за ними волочилась проволока и обломки деревянных столбов. Рухнула пулеметная вышка, и к барачкам прорвались советские автоматчики. Навстречу выбегали женщины в полосатых халатах, некоторые несли на руках детей. Почерневшие изможденные лица, тонкие ручки и ножки. Десантники останавливались и молча смотрели на освобожденных узников. Они смотрели и не верили, что такое можно сделать с людьми. И кто, ведь это тоже сделали люди! Или не люди? Командир танкового десанта лейтенант Борович снял каску, бросил ее на землю и бросился к узникам. Он обнимал женщин, прижимал к груди детей и шептал:

– Господи, да за что же вас так... Родные, мы уже здесь, не бойтесь... Больше этого не будет... Простите, что не пришли раньше!

Горючего больше не было. Приказ от командования пришел простой – накормить, оказать любую посильную помощь узникам и ждать прибытия медиков. Командир танкового батальона капитан Рязанов приказал расставить танки так, чтобы их не было видно с самолета. Замаскировав технику под деревьями, между строениями, Рязанов не забывал и о том, что ему, возможно, предстоит держать круговую оборону. Крепкий, плечистый лейтенант Борович подошел к командирской машине и со стуком положил на броню автомат.

– Боевое охранение выставил, ребят на кухню послал, но там из еды такое, что я умирать буду, а есть не стану.

– Станешь, – пообещал Рязанов, склонившись над картой местности. – Ты мне вот что скажи, пехота, чем кормить будем этих несчастных?

– На первых порах НЗ наше соберем. Полевая кухня нас не скоро догонит. А потом можно наведаться вон в тот поселок. Я сейчас туда отправлю на разведку отделение своих бойцов.

– У тебя сколько от роты осталось, лейтенант? – вздохнул танкист. – Мы с боями неделю рвемся на запад!

– Тридцать пять человек в строю, – угрюмо ответил лейтенант. – В том числе и трое легко раненных, которые отказались остаться в санбате.

– Шиш да маленько, – кивнул капитан. – Много мы людей потеряли, но зато немчуре крепко дали прикурить. Давай не рисковать! Вдруг там фашист прячется, окопался и помощи от своих ждет. У меня немного осталось горючего. Я тебе два танка дам в подмогу. Если что, они разнесут этот поселок в щепки. Пусть только фашисты хоть раз выстрелят в вашу сторону!

– Ладно, я сам туда пойду, – решительно сказал лейтенант.

Лаврентий Павлович Берия всегда отличался выдержкой, мало кто был свидетелем его гнева, раздражения. Не любил всесильный нарком показывать свою усталость, слабость, непонимание чего-то или даже неосведомленность. Поэтому Берия никогда не спешил открывать рот, особенно в кабинете Сталина. Его слова всегда были взвешенными, обдуманними. Если тебе нечего сказать, то лучше вообще ничего не говорить, чем говорить хоть что-то. И сейчас, когда перед ним навтыжку стояли комиссар госбезопасности Платов и командир особой оперативной группы Шелестов, нарком тоже не спешил говорить. Он прохаживался по кабинету, застеленному мягким ковром, и смотрел на мыски своих начищенных сапог. Шаги были почти неслышны и поэтому казались кошачьими, как будто нарком подкрадывается к кому-то или к чему-то.

– После Сталинграда и Курской дуги мы наступаем, – наконец, заговорил Берия. – Хорошо наступаем! Враг потерял инициативу, это очевидно. Гитлеровское командование не сумело реализовать за это время ни одной мало-мальски существенной наступательной операции. На фронтах, да и здесь, в Москве, многим уже грезится близкая победа, разгром нацистской Германии. И она обязательно будет!

Шелестов удивленно посмотрел на Платова. Что это с наркомом? Он вызвал подчиненных, чтобы поделиться тем, что у него на душе? Не замечал он раньше у Берии таких стремлений. Но Платов только движением бровей показал, что нужно подождать. Берия был по своей натуре неплохим актером, не мог он без артистических пассажей. Очень часто он отдавал свои приказы после вот таких вот «подводок». И сегодняшний день не был исключением. Берия повернулся к своим подчиненным, стоявшим посреди кабинета, и продолжил говорить уже решительным уверенным тоном:

– Кончится эта война, но будет другая, и за ней следующая. Но это будут уже другие войны. Не только горячие, но и холодные, будет противостояние и бряцание оружием, будут в тиши кабинетов и лабораторий изобретать новые способы убийства, новые способы победить в войне. Были попытки и в начале века на европейском театре военных действий, будут и впредь.

Посмотрев в глаза своим подчиненным, Берия как будто убедился, что те прониклись всей важностью предстоящего задания, и кивнул на стулья у приставного стола. Усевшись на свое рабочее место, он дождался, пока сядут сотрудники, и взял со стола карандаш. Это было в манере наркома, использовать предметы в виде указки или дирижерской палочки.

– На днях наши передовые подразделения из состава частей прорыва вышли к предгорьям Карпат, – помахивая карандашом, снова заговорил нарком. – Танковая группа спешила освободить концлагерь, пока фашисты не уничтожили узников. И они успели, за что честь им и хвала. Это был детский концлагерь, и наши бойцы обнаружили там кое-что страшное. Рядом с лагерем располагался научный городок, лаборатория, в которой нацисты разрабатывали новое оружие, испытывали вирусы, которые можно было бы использовать для массового заражения мирного населения или наступающей армии противника.

– Да, – не удержался от восклицания Шелестов. – Это уже совсем другая война...

– Другая! – оборвал оперативника Берия. – И чтобы она не случилась, чтобы избежать такой войны, ваша группа, товарищ Шелестов, должна отправиться в предгорья Карпат, разобратся в ситуации, получить необходимые данные на месте.

– Что уже известно, Лаврентий Павлович? – уточнил Платов.

– Прибывший на место представитель Главного санитарного управления Красной армии смог установить по остаткам оборудования, что исследования, скорее всего, велись в области вирусологии. Никаких записей, журналов и образцов, вообще никаких материалов на месте не обнаружили. Но часть узников концлагеря показала, что в лабораторию привозили детей и назад в лагерь они уже не возвращались. Неподалеку есть место захоронения обугленных детских останков. Видимо, зараженных детей, чьи тела перед побегом фашисты уничтожали. По другим каналам мы получили сведения, что немцы не успели вывезти с освобожденной нашей армией территории железнодорожный вагон. Или не стали вывозить, оставив его специально. В этом вагоне детские игрушки в красивых привлекательных упаковках, конфеты в цветных фантиках. Все это может быть заражено смертельным вирусом, передающимся воздушно-капельным путем или при физическом контакте. Задача группы найти материалы лаборатории и вагон. Материалы передать нашим медикам, вагон уничтожить на месте.

– Нам необходимо знать, как можно уничтожить вагон с этими игрушками так, чтобы не заразить все вокруг на многие километры и не вызвать эпидемию в той местности, – сказал Шелестов.

– Платов, – Берия посмотрел на комиссара госбезопасности, – найди им консультанта-вирусолога и отправь вместе с группой. Пусть помогает и советует на месте. Пока что есть предположение, что высокая температура губительна для этого вируса, да и для любого вируса вообще. Здесь в этой папке собрано все, что удалось получить на сегодняшний день. Группе вылететь на место сегодня же.

Берия достал из выдвижного ящика стола черную кожаную папку и положил перед Платовым. После разрешения идти Платов и Шелестов вышли в коридор. До кабинета комиссара госбезопасности они шли молча, размышляя о полученной информации и своих возможных действиях. В приемной на стульях расположились Буторин, Коган и Сосновский. Платов остановился и кивком поприветствовал группу. Буторин как всегда был хмур. Поднимаясь со стула, он по привычке пригладил седые волосы, постриженные ежиком. Поднимался Буторин тяжело, только что не закричал в этот момент. Но Платов прекрасно знал, что это просто видимость, своего рода игра. Буторин быстр в движениях, лучше всех в группе владеет оружием и сильнее всех в рукопашной схватке. Бывший следователь особого отдела НКВД Коган серьезен, почти равнодушен, но в его уме уже зреет решение проблемы, прикидываются пути решения задачи. Сейчас Коган еще не знает о сути предстоящего задания, но наверняка уже познакомился со сводками, попытался понять, где понадобилась помощь особой оперативной группы Лаврентия Берии.

А вот Сосновского воспринимать всерьез Платов так и не научился. Знал, что тот, как и Буторин, бывший разведчик, что несколько лет работал в Германии. Но этот пижон и актер всегда шокировал его своими образами, странного цвета галстуками, какими-то шейными платочками или красивыми летними туфлями, изящной белой шляпой, как сегодня. Все считали Сосновского бабником и легкомысленным человеком, и он этот образ всячески поддерживал. Высокий, симпатичный, с правильными холодными чертами лица, с эдаким налетом одухотворенной романтичности. Мало кто, глядя на Михаила Сосновского, может предположить, что он в совершенстве владеет всеми способами убийства без оружия. Впрочем, с помощью оружия тоже.

Первым делом Платов поднял трубку телефона и приказал своему незримому помощнику решить вопрос с военным транспортным самолетом в прифронтовой район. Группа, слушающая разговор комиссара государственной безопасности и своего непосредственного начальника, никак не отреагировала на эту информацию. За годы работы с Платовым члены группы привыкли к таким неожиданным заданиям. Положив трубку, Платов объявил, что вылет через несколько часов, и стал излагать имеющиеся данные.

– Самое главное, – добавил Платов в конце, – повторяю, самое главное – найти материалы, потому что это вакцина против вируса. И найти и уничтожить вагон с зараженными игрушками и конфетами.

На подмосковный военный аэродром группу привезли около двух часов ночи. Тускло блеснул узкий фюзеляж мокрого от дождя транспортного «Дугласа». Подбежавший к машине офицер в брезентовой накидке козырнул и, кивнув на самолет, предложил скорее перебираться в салон. Якобы ожидается кратковременное прояснение, а потом снова зарядит дождь и Москву накроет низкая облачность.

– Кто знает, может, пару часов, а может, всего минут тридцать будет более-менее ясно, – торопливо говорил офицер, идя рядом с Шелестовым. – Пилоты приказ поняли, готовы попробовать взлететь, хотя риск, конечно, есть. Но экипаж опытный, в переделках побывал. Вы не сомневайтесь!

– Нам должны были приготовить снаряжение, – напомнил Шелестов и кивнул на своих спутников, одетых в гражданские костюмы и дождевики. – Мы не можем в таком виде лететь.

– Все необходимое приготовлено и находится в самолете, там, в воздухе, переоденетесь. Вернуть ваши вещи назад, увы, не представится возможным. Сами понимаете, что летите в прифронтовую зону, а у пилотов будет другое задание. И в Москву они вернутся не скоро. Если хотите, упакуйте те же баулы и возьмите с собой.

– Ладно, обойдется, – отмахнулся Шелестов и сразу же подумал о красивых туфлях Сосновского и его белой пижонской шляпе. – Вы лучше скажите про еще одного пассажира. Павел Анатольевич обещал нам помощника...

– Ждет в самолете, – поспешно ответил офицер. – Спит, наверное. Говорят, его с постели подняли.

Люк был открыт, к самолету приставлен легкий трап. «Ну, вот и снова задание, и снова в дождливую ночь, – подумал Шелестов, подняв лицо и посмотрев на ночное небо. – И провожают нас не девушки с платочками, а офицер из госбезопасности. И чем все это закончится, неизвестно. Хотя нет, известно. Группа выполнит задание, любой ценой выполнит, как это было всегда. Ведь опасность слишком велика для страны, значит, надо суметь эту опасность ликвидировать. Вот только с такой мерзостью группа еще не сталкивалась. С мерзостью людей приходилось бороться, но там все проще, потому что противостоят люди, а здесь бактерии. Хотя без людей они ничто, значит, снова главная мерзость – это нацисты, а бактерии это вторичное. Разберемся!»

Оперативники поднялись по трапу в самолет и принялись рассаживаться и осматривать приготовленные для них баулы с вещами и оружием. Здесь была военная офицерская форма, плащ-палатки. Вместо шинелей для оперативников приготовили кожаные куртки. Для каждого пистолет и автомат ППС.

– Надеюсь, с размерами угадали, – проворчал Сосновский, снимая свою шляпу и аккуратно кладя ее на соседнее сиденье.

– Ну, если ты только не располнел в талии, – рассмеялся Коган, снимая пиджак и расстегивая рубашку. – Забыл, что нам уже пару раз так же вот готовили амуницию? У Платова все наши размеры в памяти или в сейфе.

Переодевшись, группа устроилась, насколько это было возможно, на дюралевых сиденьях и попыталась поспать хоть остаток ночи. Шелестов сидел рядом с человеком, который свернулся на сиденье и накрылся солдатским ватником. Оперативник обратил внимание на шуплые плечи и седину в волосах этого человека. Больше ничего рассмотреть не удалось, но и этого было достаточно, чтобы предположить, что с помощником группа еще намучается. Пусть задание и не совсем боевое, но все же физические данные вирусолога не вызывали восторга.

Ночь прошла незаметно. Шелестову показалось, что он только закрыл глаза, как в иллюминаторе стало светлеть. Он поежился и засунул руки под мышки. На востоке горизонт уже был светлым, наступал новый день, и мысли привычно возвращались после сна в рабочее русло. Шелестов снова стал думать о предстоящей операции, о поисках, выстраивая возможные схемы, когда на соседнем кресле зашевелился вирусолог. Мужчина лежал всю ночь в неудобной позе и теперь его тело затекло. Приняв вертикальное положение на сиденье, он потянулся с кряхтением, но потом опомнился, что находится в самолете не один, и, резко обернувшись, испуганно взглянул на Шелестова.

– Подполковник Шелестов, – представился Максим Андреевич, – ваш командир. А вы, стало быть, прикомандированный к нашей группе ученый-вирусолог?

– Да, – кивнул мужчина и тут же поправился, стараясь отвечать по уставу Красной армии. – Так точно! Каратеев Семен Валерьевич. Рядовой Каратеев!

– Не служили? – понимающе заметил Шелестов. – Боевой подготовки никакой?

– Нет, я воевал, товарищ подполковник, – смутившись, но все же твердо заявил ученый. – Я был в Московском ополчении. Негоден был к строевой службе из-за плоскостопия, но в ополчение пошел добровольно. Стрелять умею, приходилось.

– Стрелять, – улыбнулся Шелестов. – Это хорошо. А попадать?

– В мишень, конечно, проще. Все-таки волнение не такое, как в бою. Попадал, иногда даже хвалили. А вот из окопа поначалу стрелял, лишь бы стрелять. Не так страшно, когда сам стреляешь, а не только в тебя. А потом привык. И ненависть помогала. Видел сам, как падали фашисты, в которых стрелял. И уж когда понял, что попадаю, что убиваю ненавистного врага, то и страх стал проходить. Вы извините, что я вам так подробно рассказываю. Просто я понимаю, что я для вас сугубо гражданская личность. Но Родину защищают не только на фронте, но и в тылу.

– Хорошо. – Шелестов похлопал ученого по плечу. – Ваше задание в этот раз, можно сказать, не боевое. Будете оказывать нам помощь в соответствии со своей специальностью. Но не советую расслабляться, думая, что мы в тылу, а значит, в безопасности. Случиться может всякое. Может, и пострелять еще придется. Пистолет-пулемет Судаева, я смотрю, вам выдали.

Говорить было трудно. Все же рев моторов доносился и сюда. И Шелестов ограничился лишь общими вопросами, оставив самое важное на потом.

Садился самолет на полевой аэродром на краю леса. Шелестов, глядя в иллюминатор, не увидел ничего, никаких признаков жизни. Значит, придется ждать, когда за ними пришлют машину. Но когда самолет, пробежав по высокой траве, развернулся на опушке и замер на месте, стало видно, что люди неподалеку есть, и даже поблизости располагается целая

аэродромная служба. Просто все очень хорошо замаскировано. И ремонтная мастерская, и кухня, и землянки для личного состава. Когда летчики спустились из самолета металлический трап, к самолету уже спешил плечистый лейтенант, придерживающий рукой зеленую полевую фуражку, которую норовило сорвать ветром от еще вращающихся винтов самолета.

– С прибытием! – крикнул лейтенант, и когда моторы замолчали, козырнул и спросил: – Кто у вас старший?

– Командир оперативной группы подполковник Шелестов, – представился Максим Андреевич.

– Командир роты триста двадцать восьмой отдельной штурмовой бригады лейтенант Борович, – вскинул руку к козырьку офицер. – Имею приказ взять под охрану объект и поступить в ваше распоряжение.

– Рота? – пожимая руку лейтенанту, спросил Шелестов. – Рота – это, конечно, солидно, но нам такое подразделение не нужно.

– От роты, товарищ подполковник, осталось всего два десятка бойцов. Так что, по армейским меркам, у меня и взвода не наберется. Но это по количеству. А так, ребята боевые, опытные. Прошу в машину. Там в лесу «полуторка» ждет.

Пока Шелестов разговаривал с лейтенантом, его оперативники спустились по трапу вместе с баулами и оружием. Каратеев смущенно топтался чуть в стороне, но Шелестов подождал его.

– Знакомьтесь, ребята. Это наш консультант, ученый-вирусолог Семен Валерьевич Каратеев. Вот и вся наша группа, Семен Валерьевич. Не считая двух десятков бойцов приданного подразделения автоматчиков, которые будут нас охранять и помогать нам в работе.

Когда Шелестов представлял оперативников, вирусолог вдруг странно посмотрел на Когана. И потом, когда они тряслись в кузове «полуторки», он украдкой смотрел на Бориса. Разговаривать было не менее трудно, чем в самолете. Машина подпрыгивала, и ее кузов отчаянно скрипел на кочках и ямах грунтовой, разбитой военной техникой дороге. Прошло не менее полутора часов, прежде чем в поле показались столбы с колючей проволокой и приземистые бараки концлагеря. Оперативники сразу повернули головы и стали смотреть на лагерь.

«Ну, вот и цель», – невольно промелькнула, наверное, одинаковая мысль у каждого члена группы. Страшная цель, хотя на войне нестрашных мест не бывает, но здесь зло было во сто крат сильнее и страшнее, потому что оно было направлено нацистами против самых незащищенных, самых невинных существ на свете – на детей. Страшно было потому, что дети всегда и у каждого народа – это будущее. Но пришли люди, которые обошлись с этим будущим, с этим самым сокровенным грязно, зло, бесчеловечно.

– В лагере сейчас пусто, – пояснил Каратееву Шелестов. – Всех узников вывезли. А осмотр специалистов показал, что никакие опыты на территории лагеря не проводились. Там узников просто содержали. Не будем терять времени и поедем сразу в поселок СС, в лабораторию медицинского городка.

Сам поселок тоже был огорожен колючей проволокой, правда, небольшие аккуратные домики были совсем не похожи на лагерные бараки. И улочки были посыпаны смесью песка и битого кирпича, у каждого домика чистое подметенное крыльцо. Для машин у ворот оборудована и вымощена камнем стоянка. Здесь имелась и большая столовая для персонала, и здание охраны. Отдельный домик имел решетки на окнах, а сразу за домиком был зловещего вида пустырь с пятнами свежей, еще не поросшей травой земли.

Два автоматчика у ворот увидели машину. Один из них подошел и доложил лейтенанту, что происшествий не было. Рота занята хозяйственными работами: стирка, починка обмундирования, обслуживание техники. Пехотинцы занялись бытом после долгих недель наступления, когда не только починить дырку в обмундировании, поесть было некогда. Да и спали урывками, по паре часов в сутки.

– Здесь ничего не трогали и не меняли, – стал объяснять Борович, когда оперативники вошли в домик лаборатории. – Медики только анализы взяли, фотографии какие-то сделали. И сказали, чтобы вас ждали.

– Хорошо, спасибо, лейтенант, – кивнул Шелестов. – Теперь мы тут сами...

Борович козырнул и вышел из коттеджа. Но Буторин догнал его и, взяв за рукав, заговорил тихо, поглядывая на чистое безоблачное небо:

– Слушай, командир, ты проследи, чтобы твои бойцы не особенно расслаблялись. Я смотрю, многие без штанов гуляют, стирку затеяли. Караульный у ворот ходит «руки в брюки». Оно, конечно, спасибо тебе и бойцам твоим. Но только ты имей в виду, что в любой момент может возникнуть необходимость сорваться и на рысях мчаться по новому адресочку. Тут дело такое, что может быть каждый день на счету, а то и каждый час.

– Я понял, товарищ майор. – Нахмурившись, ротный двинулся к своим бойцам.

Буторин посмотрел в широкую спину лейтенанта, прикидывая, не обиделся ли командир. Фронтвики частенько относятся к особистам, к Смершу, да тем более к гостям из Москвы не всегда справедливо, свысока, с некоторым презрением. Не все, конечно, но бывают такие. Не было времени убеждать, беречь чужие нервы и ласкать чужое самолюбие. Постояв и посмотрев, как лейтенант отдаёт приказы, как изменились в лицах его бойцы, Буторин удовлетворенно кивнул. Значит, все как надо понял Борович. А может, и замечания приезжего оперативника не понадобилось бы. Может, и сам бы порядок навел в своем войске.

Буторин вернулся в коттедж, где оперативники вместе с вирусологом осматривали помещение, выдвигали ящики столов, поднимали с пола разбросанные мятые бумаги. При этом каждый осторожно, даже опасливо обходил груды битого стекла, которое осталось, видимо, от лабораторного оборудования.

– Слушайте, Каратеев, – позвал Сосновский, держа двумя пальцами лист бумаги и осматривая его с двух сторон. – А вы уверены, что мы здесь ничем таким вредным не надышимся, заразу никакую не подцепим? Вы можете нам вкратце объяснить, что такое вообще вирусы, бактерии и как с ними бороться? Точнее, как нам не заразиться.

– Вы напрасно беспокоитесь, Михаил Юрьевич, – грустно улыбнулся Каратеев. – Образцы, которые отсюда взяли, показали почти полную стерильность помещений. А про вирусы вы все, наверное, и так наслышаны с детства. Мойте руки, не целуйтесь и не кашляйте на окружающих, если чувствуете недомогание. А вирусы и бактерии – это совершенно разное, у них разная природа.

– Да ладно! – скептически хмыкнул Сосновский и подмигнул Шелестову. – И те, и другие такие маленькие. Чем же им отличаться...

– Если вы помните школьный курс биологии, Михаил Юрьевич, то вы должны знать. – Каратеев замолчал и виновато посмотрел на Шелестова. – Простите, товарищ подполковник, меня, кажется, разыгрывают ваши коллеги, а я пытаюсь их в чем-то убедить.

– Никто вас не разыгрывает, – убежденно заявил Максим Андреевич. – Просто людям интересно, да и польза есть от вашей лекции вот так, на ходу. Так что продолжайте объяснять.

– Ну, хорошо. – Вирусолог снял с головы пилотку, пригладил волосы и продолжил: – Видите ли, товарищи, бактерии – это живые одноклеточные организмы. Есть безвредные, даже полезные бактерии, которые живут в нашем организме и с которыми мы к взаимной пользе уживаемся. Бактерии в нашем кишечнике помогают переваривать пищу, бактерии в ротовой полости подавляют рост болезнетворных микробов. А есть бактерии, которые, попадая в наш организм, вызывают болезни. Одни вызывают развитие фурункулов на коже, другие при попадании внутрь вызывают такие болезни, как туберкулез, сифилис, ангину и другие. Часть бактерий передается воздушно-капельным путем, часть через контакты, через кожу.

– А вирусы – это не бактерии? – спросил Шелестов. – Это что-то другое?

– Вирусы, товарищ подполковник, это вообще неклеточные формы. Они состоят из генетического материала ДНК или РНК и защитной белковой оболочки. Это чистойшей воды паразиты, которые не выживают самостоятельно, им для жизни нужен носитель, нужно в ком-то поселиться. Для размножения и синтеза им нужны чужие клетки. Вирусные заболевания, в отличие от бактериальных, не лечат антибактериальными препаратами. Тут нужны свои вакцинные, произведенные на основе как раз каждого конкретного вируса. Такая вакцина – это, прежде всего, ослабленный штамм самого вируса, который вызывает иммунный ответ организма человека. Есть два варианта: либо препарат стимулирует человеческую иммунную систему на борьбу с вирусом, либо препарат напрямую атакует вирус. Вот поэтому нам важно найти документацию или сам препарат. Ведь он изготовлен на материале самого вируса. А пока мы с вами не знаем, что это за вирус и что он поражает непосредственно. А передаваться вирус может как через дыхание, слюну, так и при физическом контакте, через руки, через кровь. Вирусы могут жить на поверхности предметов, мебели от нескольких часов до нескольких дней. И это тоже опасно.

– Можно считать, что вы нас успокоили, – рассмеялся Буторин. – Очень захотелось руки помыть. Но бумаженции тут интересные. Я смотрю, вы что-то уже складываете стопочкой. Есть идеи, что это за вирус и как нам его искать?

– Тут есть намеки на общее направление поисков. Нам ведь важно найти не только вирус, но и вакцину против этого вируса. Обычно такие исследования проводят параллельно. И немцы вакцину точно получили.

Оперативники перебирали бумаги, проверяли столы, шкафы. Каждый пытался ничего не пропустить. Но и слушали специалиста они внимательно. Шелестов подержал в руках бланк, потом позвал вирусолога:

– Семен Валерьевич, а вам такой символ знаком? Он научный, специальный или так, отсебятина?

– Какой символ? – Ученый одернул гимнастерку и подошел к Шелестову. – А, вы про это! Стилизованное изображение черного ангела?

– Да, тут на многих бланках есть такой символ в «шапке» документа, – вставил Сосновский. – Такое ощущение, что символ имеет отношение как раз к названию лаборатории или к направлению ее деятельности.

– Ангел смерти, – мрачно заключил Коган.

Каратеев посмотрел на Бориса каким-то странным взглядом. Шелестов заметил этот взгляд, но не понял его. Да и Коган на вирусолога не реагировал. А Каратеев помедлил, перелистал какую-то тетрадь, потом снова заговорил:

– Скорее ангел ада. Практически во всех мифологиях те существа, что приходят из потустороннего мира за душами усопших, чтобы проводить их в мир иной, являются существами дружелюбными. А вот ангелы ада – это как раз те ангелы, которых, по верованиям христиан, бог изгнал в ад, потому что они восстали против него.

– Сатана? – тут же спросил Буторин.

– Не знаю, я в мифологии разбираюсь слабо. Моя научная деятельность как-то в другой области лежит. Можно сказать, в противоположной – материальной. А эта мистика сплошь нематериальная. Фольклор, – пожал Каратеев плечами.

– Ну, тогда у меня есть шанс блеснуть познаниями, – проговорил Сосновский. – Когда-то я близко сошелся в Берлине с одним пастором, Ну, как сошелся... Я его спас от нацистов. Уж очень он откровенно проповедовал в своем храме против назревающей в Германии «коричневой чумы».

– Ну, расскажи, – подал голос Коган, – расскажи, как он пытался из тебя пацифиста сделать.

– Никого он не пытался из меня сделать, – пожал Сосновский плечами, продолжая просматривать найденные бумаги. – Просто человек умел интересно рассказывать. Так вот бог создал ангелов, чтобы они заботились о людях, наблюдали за ними, помогали. Вот и черные ангелы тоже когда-то были белыми. И вот какая-то часть ангелов пошла против своего создателя и сами пытались управлять людьми. Чтобы люди грешили и отвернулись от бога, а повернулись к ним.

– Переворот, значит, устроили, – хмыкнул Шелестов.

– Похоже на то, – рассмеялся Сосновский. – Глобальный такой переворот устроили: голод, болезни, войны, землетрясения. И их лидером был сатана. Его иногда называют Люцифером. Ну, бог этих отступников и спустил в ад, чтобы они там служили, в грязную, значит, работу их определил. Как кочегаров! Пастор был человеком начитанным, он утверждал, что у древних индусов считалось, что черные ангелы не умели отличать добро от зла. А в христианстве, стало быть, знали, что творили, но все равно пошли против бога.

– И зачем этот самый Люцифер пошел против бога? – спросил Коган. – Что говорит религия на этот счет? Ведь наверняка сытно жили и работой не утруждались.

– Интересный вопрос, – снова рассмеялся Сосновский. – По верованиям христиан, Люцифер был самым прекрасным ангелом, и зависть его одолела, хотелось ему поклонения людей. Ликом черен и прекрасен! Так, кажется, в писании сказано?

– Дело в том, Михаил, – неожиданно заговорил Коган серьезным тоном, – что богом разрешено людям творить как добро, так и зло по своему усмотрению. Такую волю бог изначально дал. Такую же волю он дал и ангелам. Свобода воли, значит! Вот тех ангелов, что стали творить зло, он и низверг в ад.

– Болезни, говорите? – тихо сказал вирусолог. – Ну, что же, тогда все сходится.

– Так, товарищи, что-то мы заболтались, – строго произнес Шелестов. – Нам еще много помещений осматривать. Давайте внимательнее смотреть!

Коган перешел в следующую комнату, осмотрелся и принялся простукивать стены. Удивительно, но здесь стены были отделаны керамической плиткой, и выглядела она совершенно новой, а вот швы местами были совсем не затерты раствором. То ли работу недоделали, то ли сделали ее из рук вон плохо! Но помещение уже использовалось, тут стояли лабораторные шкафы, и тут тоже были следы разбитого оборудования. Может быть, пустые швы не случайность? Может быть, здесь, под плиткой, потайные сейфы, тайники?

– А вы ведь меня не узнали, гражданин следователь, – вдруг раздался за спиной голос.

Глава 2

Янко Пеняк бродил у ворот, повесив автомат на шею, и от нечего делать пинал камешек. Камешек был круглый и хорошо катался по утоптанной земле. Солдат пытался попасть камнем в щербину на столбе, которая осталась после высыпавшегося, истлевшего от времени сучка. На посту запрещалось отвлекаться, но после двух месяцев напряженных боев, да еще в таком тихом месте, трудно было не расслабиться. Пеняк вздохнул и оглянулся по сторонам. Нет, никто не видит. Если бы лейтенант заметил, как ведет себя часовой, то наряда было бы не избежать.

Примерившись, Пеняк с силой пнул камень, и тот отлетел далеко за ворота. Хотя самих ворот как раз и не было. Так, два толстенных старых столба на въезде, да остатки досок, колючей проволоки по периметру. И только теперь, проводив взглядом далеко отлетевший камешек, Пеняк обратил внимание, что от леса в сторону поселка направляются три автомашины. Он даже на таком расстоянии узнал крытые брезентом ленд-лизские «студеры»¹. «Смена едет? Наверное, снимаемся отсюда и вперед, – подумал Пеняк. – Отдохнули и будет. Хорошего помаленьку. А может, наоборот, провизию нам везут на месяц. Правда, полевой кухни на прицепе что-то не видно».

И тут солдат опомнился. Все-таки три года войны прививают воинскую дисциплину крепко. Пеняк обернулся в сторону поселка и, не увидев никого из отдыхающей смены караула, ни командира роты, схватил железный прут и стал бить им по подвешенному на проволоке ржавому автомобильному диску. Тут же из крайнего дома выбежал разводящий сержант Букаев, а со стороны лаборатории спешил и сам лейтенант Борович. Не став тратить времени и кричать, Пеняк просто стал энергично показывать рукой в сторону леса на приближающиеся автомашины. Фронт откатился уже далеко, и опасаться, казалось бы, нечего. Но у опытного солдата не проходило ощущение тревоги. Командир роты не предупреждал, что могут приехать какие-то машины. Да и сами грузовики были обычными, но что-то казалось Пеняку неправильным, тревожным. Тревоги добавило и то, что Борович с резким взмахом руки отдал какой-то приказ, а сам не спеша пошел к воротам и остановился в ожидании машин.

Янко успел разглядеть через лобовое стекло грузовика, что за рулем сидел боец в советской форме, а рядом человек тоже в форме и офицерской полевой фуражке с прямым козырьком. Борович стоял между столбами, оставшимися от разрушенных ворот, и ждал. Когда машины приблизились на несколько десятков метров, он предупреждающе поднял руку, приказывая остановиться. «А если не остановятся?» – подумал Пеняк, и палец сам лег на спусковой крючок автомата.

Машины остановились метров за тридцать. Как ехали, так колонной и встали. Янко почти облегченно вздохнул, но тут отрылась дверь в кабине, и на землю спрыгнул крепкий статный офицер с погонами майора. Из кузова спрыгнули трое солдат с «ППШ» на ремне и двинулись вместе со своим командиром в сторону Боровича.

– Зона караульного поста! – крикнул лейтенант. – Офицер ко мне, остальные на месте!

Янко опомнился. Ведь это он по уставу должен был крикнуть эти слова. «Черт, вот ведь до чего расслабился за несколько дней без боев. К тишине и миру стал привыкать, навыки военные теряю».

– Лейтенант, перед вами старший офицер! – гаркнул майор, не останавливаясь. – Что вы себе позволяете? А ну, быстро представьтесь как положено!

¹ «Студеры» (фронтовой жаргон) – американские грузовые машины «Студебекер», поставлявшиеся СССР по договору ленд-лиза из США во время войны.

Рефлексы включились. А может, они и не выключались, и Янко просто перестал за время отдыха обращать на них внимание. Но теперь он ясно видел, как бегают глаза трех автоматчиков, которые шли с майором к нему. Они оценивают положение поселка, количество солдат в нем. Это были глаза людей, готовых вступить в бой и убивать.

– Часовой! – крикнул Борович, в мгновение ока выдернув из кобуры пистолет. – Огонь!

Борович прыгнул в сторону. Упав на землю, он откатился за полуразрушенную стену строения. А у солдата сработал рефлекс, который укреплялся всю войну – нажимать на спусковой крючок при виде вражеской формы, при звуках немецкой речи. Не было времени прижимать приклад к плечу, некогда целиться, потому что трое автоматчиков рядом с незнакомым майором тут же сорвали оружие с плеч и направили его на часового.

Пеняк успел выстрелить первым, дав короткую очередь и юркнув за толстый столб справа от себя. Враги, а это точно были враги, находились так близко, что стрелять придется непрерывно, чтобы не подпустить их к себе. А расстояние для броска гранаты в самый раз, это Пеняк оценил точно. Не глядя, Янко выставил ствол своего ППШ и дал несколько коротких очередей, все время меняя направление стрельбы. Главное, хоть в кого-то попасть, главное, не дать им идти вперед, главное, прижать огнем. Главное, выиграть время и не думать о себе. Ребята из караульного помещения сейчас уже выбегут. У них и оружие наготове. А там и остальные бойцы роты. И, значит, Пеняк со своими двумя магазинами к автомату должен не сойти с места. Хоть несколько секунд, хоть минуту. И не важно, сколько их там в трех машинах. А их там много. «Студер» может взять в кузов и два десятка бойцов, и три.

Несколько пуль угодили в столб, и тот даже загудел от напряжения. Под ноги и в лицо полетели щепки. А как там лейтенант? И как сменить позицию? И Пеняк решился. Он снова выставил ствол автомата и дал длинную очередь, поводя стволом и опустошая магазин до конца. И когда ППШ замолчал, он сделал кувырок туда, где был его командир. Всего доля секунды, за которую солдат сумел увидеть все поле боя и своего командира. А заодно и извлечь из автомата опустевший магазин. Борович, с пистолетом и окровавленным боком, схватил солдата за рукав и помог укрыться за полуразрушенной деревянной стеной. Янко уже понял, что один из врагов, переодетых в советскую форму, убит, второй ранен и отползает к машинам. «Майор» стреляет из пистолета и машет рукой другим своим солдатам. И те прыгают из машин и отбегают в стороны. Кто-то залег с автоматом и стреляет, кто-то перебежками стал приближаться к окраине поселка.

– Бей короткими, – приказал Борович, глядя, как Янко достает из брезентового подсумка второй – последний магазин. – Только по тем, кто пытается приблизиться!

Пеняк кивнул, отодвинулся немного в сторону и, поднявшись во весь рост, так, что только его голова показалась над полуразрушенной стеной, дал две очереди. И тут же сразу шквал пуль врезался в трухлявую древесину, разбрасывая мелкие щепки. Солдат снова переместился в сторону и дал еще две очереди. Бой разгорался. Сейчас уже не только отдыхающая смена караула заняла позиции вокруг домов, но и другие бойцы роты подходили, открывая огонь по неизвестным в советской форме. Пеняк посматривал на лейтенанта. Борович морщился, прижимая ладонь к окровавленному боку, и стрелял из пистолета через пролом. Он все пытался свалить «майора», но тот отошел к машинам и командовал из-за укрытия.

Когда Коган услышал слова вирусолога «а ведь вы меня не узнали, гражданин следователь», то сразу вспомнил, откуда ему знакомо лицо этого человека. Да, кажется, 37-й год, то самое жесткое время, когда по политическим статьям, по статьям, связанным с изменой Родине, вредительством в народном хозяйстве, применялись суровые меры. Это касалось и процессуальной части. По ряду статей, если человек попадал в категорию подозреваемых, его необходимо было арестовывать обязательно. Без всяких исключений. Точно так же и по подобной причине был арестован и ученый-вирусолог Семен Валерьевич Каратеев. Серьезных доказательств его вины перед Советским Союзом, кроме доносов нескольких человек и

изложенных в доносах доводов, не было. Приведенные доводы свидетелей пришлось проверять, обращаться к консультантам. Процесс не быстрый, тем более что приходилось привлекать нескольких консультантов, чтобы совпали их показания. Да и загрузка каждого следователя была не маленькой. Попутно проверялись связи с иностранными разведками и местными подпольными антисоветскими ячейками.

Коган занимался этим делом всего месяц. Он был зол, раздражен, а доводы тех, кто написал доносы на Каратеева, были поначалу весьма убедительными. Но бить подследственных Когану никогда в голову не приходило, хотя он и знал, что этим грешит кое-кто из его коллег. Давление на подследственных он тоже не организовывал, подсаживая их в камеру к отпетым уголовникам, которые глумились над политическими по заказу следователя. Так что ничем особенным Коган и не должен был запомниться Каратееву, но тот вот запомнил. И ответить Коган сейчас просто не успел, когда с окраины поселка вдруг ударили автоматные очереди и пушечные выстрелы. Это был ближний бой, а значит, опасность существовала смертельная. Кто, откуда, зачем? Схватив автомат, который Коган оставил на столе, он бросился на улицу, крикнув Каратееву, чтобы тот оставался в доме и не высовывался.

Две пули влетели в комнату, разбив вдребезги оконное стекло. На пол посыпалась штукатурка, полетели щепки от деревянного дверного косяка. Борис пригнулся и выскочил на улицу, пытаясь по звукам боя понять, с какой стороны атакован поселок. Он сразу увидел три грузовика, остановившиеся в нескольких десятках метров от северной окраины поселка. Ситуация была критической. Видимо, атаковавших было раза в три больше, чем автоматчиков Боровича. Лейтенант не успел развернуть своих бойцов и выстроить оборону поселка. Сейчас его люди сконцентрировались именно в северной части поселка, а враг, кто бы он ни был, начинал охватывать обороняющихся полукольцом с двух сторон. И атаковавшие поселок были одеты в советскую форму и вооружены советскими автоматами. В голову сразу же пришла мысль о банде переодетых националистов или диверсионном отряде из немецкой дивизии «Бранденбург-800». Пока эти головорезы не вошли в поселок, пока они на открытой местности, у обороняющихся есть преимущество. Это было очевидно. Эта мысль, видимо, пришла в голову и командиру роты Боровичу. Да и тактически правильно, когда в обороне пулеметы располагаются на флангах позиции. Коган увидел, как два бойца катили к окраине станковый пулемет.

Борис решил, что здесь он сможет быть полезнее всего в обороне и побежал за пулеметчиками. У крайнего дома они остановились и принялись разбрасывать битые кирпичи разрушенного строения, готовя огневую точку. Бойцы залегли в неглубокой нише, заправили пулеметную ленту. Коган все это время стоял сбоку, у стены, от волнения покусывал губу. Не терпелось открыть огонь, но выдавать раньше времени огневую точку нельзя. И вот враг, снова открыв шквальный огонь из всего стрелкового оружия, поднялся во весь рост и ринулся в атаку на поселок. По прикидкам Когана, нападавших было не менее полусотни человек. И расстояние до крайних домов было очень маленьким. Один бросок, и они зацепятся за первые строения. Потом их не удержать, автоматчикам Боровича придется откатываться назад, к центру поселка. И неизбежно терять людей.

Атакующие бросились вперед, и тут же с фланга, буквально в упор, с расстояния в восемьдесят метров, заработал советский пулемет. Кинжальный огонь вдоль атакующего фронта длинной очередью в половину ленты валил и валил солдат. Одни падали, сраженные пулями, другие заматались в поисках укрытия. Но на открытом участке от края поселка до грузовых автомашин укрыться было негде. Немцы залегли. Теперь Коган понял по нескольким возгласам, по крикам раненых и умирающих, что это были все же немцы. Пулемет стал бить короткими очередями, выбивая тех, кто был ближе, кто пытался подползти. Коган вскинул автомат. Немец с гранатой в руке приподнялся над землей, но закончить замах ему не удалось. Короткой точной очередью оперативник свалил его. Второй приподнялся на колене, пытаясь тоже бросить гранату в пулеметную позицию, но и его Коган свалил очередью.

Заработали моторы грузовиков, машины начали разворачиваться. Оставшиеся в живых немцы бросились назад к своим машинам. Коган прицелился, но «майор», командовавший диверсантами, вдруг раскинул руки и плашмя рухнул лицом в траву. Полыхнул огненный столб над одним из грузовиков. Горела кабина, кузов, трепался на ветру огненным фартуком брезент. Коган увидел, как выбегают автоматчики Боровича и, добивая диверсантов, бегут к машинам. Тут же показалась фигура Шелестова, а чуть левее и Сосновского. Они выкрикивали какие-то команды, наверняка приказывая брать пленных. У самой окраины поселка Буторин перевязывал ротного командира, задрал на нем гимнастерку.

И тут запах гари донесся откуда-то из поселка. Коган сразу оглянулся и обомлел: стена и разбитый вдребезги оконный проем дома, в котором располагалась лаборатория, горели. Отчего случился пожар, раздумывать было бессмысленно, потому что от дома, пригибаясь, метнулась фигура человека в военной форме без пилотки. Секунда замешательства и мысль, что это мог быть кто-то из солдат Боровича, едва не дала возможность незнакомцу скрыться. Но тут, прикрывая рукавом лицо, из горящего дома выбежал Каратеев.

– Стой, сволочь! – звонко крикнул вирусолог, перекричав звуки стрельбы на окраине поселка.

Коган не успел помешать Каратееву. Тот вскинул автомат и длинной очередью срезал диверсанта. Вирусолог умел стрелять, это точно. Но сейчас Коган предпочел бы, чтобы Каратеев промахнулся. Нужны живые диверсанты, нужны пленные, которые могли бы дать сведения. Отчитать прикомандированного ученого он не успел. Каратеев оставил автомат у двери и кинулся в горящий дом. Коган выругался и побежал на помощь ученому. Внутри уже горел потолок, и оперативнику никак не удавалось пройти дверной проем из-за сильного жара. И тут ему под ноги вылетел дымящийся деревянный ящик, набитый бумагами. Бумаги начали тлеть, да и сам ящик дымился от жара, Коган схватил ящик с документами и потащил в сторону от дома.

– Каратеев, выходите! – заорал он на всю улицу. – Сторишь, дурак! Выходи!

Но вирусолог не показывался. Коган метался у входа, не зная, что предпринять. Ясно, что в доме уже нечем дышать и от дыма, и от жара. И когда на глаза попался большой кусок брезента, Коган мгновенно принял решение. Лучше всего было бы намочить брезент, но воды поблизости не было, а каждая потерянная секунда времени могла стоить жизни человеку. Коган просто набросил на себя брезент, закрывая голову, сделал глубокий вдох и бросился через огонь в дом. На Каратеева он наткнулся почти сразу. Тот лежал на полу, прижимая к груди какие-то папки с бумагами, и слабо шевелился, пытаясь ползти к выходу. Вырвав из ослабших рук вирусолога папки, Коган выбросил их через объятую пламенем дверь во двор. Подхватив под мышки ученого и накрыв его вместе с собой брезентом, он потащил вирусолога к выходу. Воздуха не хватало, пришлось закрыть рукавом лицо и сделать еще несколько вдохов, но горло сразу перехватило от удушливого горячего воздуха. Коган закашлялся, но продолжил тащить Каратеева. Его окатило нестерпимым жаром, когда он пробивался через пламя в дверном проеме. Свежий воздух пахнул в лицо, а потом чьи-то сильные руки подхватили Когана и потащили по земле. Он дышал, широко раскрывая рот, неистово кашляя. Потом на лицо, на шею, за пазуху полилась холодная вода, и стало легче дышать.

Коган открыл глаза, проморгался, чувствуя, как горит все лицо и горло. Над ним склонился Шелестов с фляжкой в руке. Покрутив головой, Борис увидел, что неподалеку сидит Каратеев, живой и здоровый, но тоже порядком мокрый, с опаленными волосами, и успокоился.

– Ребята, вы что, сдурели? – поинтересовался Шелестов, когда Коган окончательно прокашлялся и смог смотреть и дышать спокойно.

– Да я и ничего, – усмехнулся Борис, кивая на вирусолога. – Ты вот лучше у прикомандированного спроси, чего он в огонь кинулся. А я вообще-то его хотел вытащить, а он какие-то папки спасал. Что там хоть было в них?

Каратеев уже поднялся и ходил по двору, собирая разбросанные папки. Некоторые подобрали подошедшие автоматчики, но вирусолог отбирал их у солдат, собирая в стопку и прижимая ее к груди. Он подошел к Шелестову и сложил папки на крыло «полуторки».

– Это я потом нашел, когда уже стрельба началась, – пояснил он. – Выглянул, а там уже бой идет, я и вернулся, чтобы собрать папки. Понимаете, там заявки были на материалы, оборудование. Их кто-то забыл в нижнем ящике стола. Журналы хода исследований забрали, а про заявки забыли. А они тоже могут на многое пролить свет, глаза открыть. А потом кто-то бутылку с зажигательной смесью в окно бросил, тут все и занялось. Потом вторая в стену ударилась. Не попал кто-то в окно, а то бы как раз меня окатило жидкостью, сгорел бы. Я на улицу, а он бежать, я в него выстрелил, а потом назад. Ну, вот, удалось, кажется, что-то спасти.

– Ну, вот Когану скажите спасибо, Семен Валерьевич, – усмехнулся Шелестов. – Он успел вас вытащить, а то бы крышка вам вместе с папками.

Каратеев посмотрел на Когана и молча кивнул. Шелестов обратил внимание на эту молчаливую и очень красноречивую сцену.

– Все, поднимайтесь! – приказал Шелестов. – Пора приниматься за дело. Там бойцы Боровича взяли двух пленных. Надо допросить их и разобраться, что это была за эскапада.

Сосновский шел вдоль крайних домов поселка, осматриваясь по сторонам. Нет, не было тут никакого населенного пункта до войны. Все, что сейчас здесь стояло – было построено не более пары лет назад. Ясно, что этот поселок в два десятка деревянных домиков построен одновременно с концлагерем, на расстоянии какого-то километра от него. Никаких сомнений, что поселок, лаборатория в нем были связаны с лагерем напрямую. Нет тут никаких населенных пунктов в десятках километров вокруг. Был только до войны песчаный карьер, пилорама при конторе лесозаготовок. Есть еще пустовавшая разрушенная станция железной дороги и недостроенное полотно в сторону лесхоза.

– Эй, бойцы! – приветливо окликнул Сосновский двух солдат, один из которых сидел на земле, а второй бинтовал ему голову. – Живы?

– А что нам делается? – засмеялся молодой солдат.

– Рано нам еще помирать, товарищ майор, – поддакнул раненый слабым голосом. – До дома совсем немного осталось!

– До дома? – Сосновский остановился и внимательно посмотрел на чернявого солдата. – Откуда ты, боец? Из каких мест?

– Вон мой дом, – указал солдат рукой в сторону видневшихся гор. – Карпаты! Уже видно без бинокля...

– Как тебя ранило? – снова спросил Сосновский.

– На посту был у ворот, товарищ майор, когда грузовики с... этими подъехали, – стал рассказывать солдат и хотел подняться, но Сосновский жестом разрешил ему сидеть. – Я сообщил, как положено. Командир роты подошел, а они, несмотря на запрет, стали приближаться, ну лейтенант и приказал открывать огонь. Тут бой и завязался. Наши подоспели. Лейтенанта зацепило, а потом они в нас гранату бросили. Осколком мне голову посекло, а так ничего, обошлось!

– А ну-ка, бойцы, – прищурился Сосновский, – что скажете про врага? Почему напали на нас, чего им тут надо было, зачем атаквали поселок? Явно же не деревня, курами и свининкой не разживешься.

– Диверсанты это, – уверенно сказал раненый и вопросительно посмотрел на своего товарища. Молодой солдат, соглашаясь, кивнул. – Знали куда шли, только не ожидали, что нас

здесь много будет. Поэтому их командир так свободно шел к моему посту, думал, что нас тут человек пять.

– Молодец, парень, соображаешь, – усмехнулся Сосновский и двинулся дальше.

Из двух оставшихся в живых диверсантов один был русским, а второй немцем, который хорошо, почти без акцента говорил по-русски. Шелестов собрал группу, после того как Буторин с автоматчиками прочесали окрестности. Командир роты автоматчиков тоже сидел рядом с оперативниками, чуть морщась и поглаживая перевязанный бок, где пуля вскользь зацепила его во время боя. В помещении составлены разномастные стулья и табуреты, принесенные из других домов. Здесь стояло несколько больших столов и кровати членов группы. В окно с улицы вместе с запахом спелых луговых трав тянуло запахом гари.

– Что мы имеем? – задумчиво задал вопрос Шелестов. – Группа явно шла к поселку целенаправленно. Оставшиеся в живых диверсанты о цели понятие имели слабое. Им поставили задачу дойти до нужного места и сжечь поселок. Почему, какова его ценность, они не знали. Этому можно верить, потому что пленные подробно описали и маршрут движения, и место, откуда они вышли, и сведения о дислокации своей части, и о ее командирах. Какие есть соображения?

– О конечной цели и задачи группы знали вместе с командиром еще человека два или три, – вставил Коган. – Обычная практика. И когда группа столкнулась с серьезным противодействием, командир принял решение отвлечь наши основные силы и послать пару диверсантов сжечь здание лаборатории. Очевидно, у кого-то были сомнения, что вывезено было все и что следы, оставленные нацистскими учеными здесь, не наведут нас на решение проблемы.

– Я согласен с Борисом, – кивнул Сосновский. – И эта атака только подтверждение тому, что гитлеровцы не намерены отказываться от своего плана заражения большой территории в нашем тылу. Более того, они готовы пойти на серьезные шаги и жертвы, чтобы этот план воплотить в жизнь.

– У нас, по крайней мере, появился шанс повысить свою мобильность, – добавил Буторин. – Три «студебекера» и запас патронов для ППШ из арсенала диверсантов. Но все же хотелось бы услышать Семена Валерьевича. Есть ли существенная ценность в том, что мы тут нашли в поселке? Заказы, материалы, оборудование. Поможет это как-то нашим ученым или нет? Я к тому, что мы сидим тут и теряем время.

Все повернулись к Каратееву. Вирусолог оторвался от тетради, в которой делал какие-то записи. Он пригладил редкие волосы на темени, откашлялся, как перед началом лекции, и поднялся с табурета, но Шелестов остановил его жестом руки.

– Знаете, чего я боялся прежде всего, когда только начал знакомиться с тем, что мы нашли? Я боялся, что сумасшедшее руководство Германии начнет экспериментировать с чумой, «испанкой». Вы не представляете даже масштабов эпидемий в прошлом и о количестве погибших людей. Остановить в условиях мировой войны такие эпидемии было бы невозможно. Жертв было бы в несколько раз больше, чем на полях войны. Пока я этих подтверждений не нашел, нацисты занимались вирусами, но и среди них есть страшное оружие. Это и вирус холеры, и оспы. Я пока не нашел подтверждения, что здесь работали бактериологи, а то можно ожидать и сибирской язвы, и тифа. Одним словом, направление мне немного понятно, а в остальном разберутся в Москве наши ученые.

Шелестов развернул на столе карту. Потом положил поверх еще один лист потрепанной карты. Это были довоенные топографические крупномасштабные карты этого района и дальше районов западнее концлагеря. Платов, когда снабжал группу картами, оценивал ситуацию однозначно. Немцы могли не успеть вывезти за линию фронта все материалы, а вот вагон с зараженными образцами они умышленно, по мнению Платова, оставили в укромном месте, чтобы после прохождения фронта, уже в нашем мирном тылу, устроить диверсию с заражением населения. И, значит, немцы будут любой ценой стараться спасти материалы лаборато-

рии и постараются использовать вагон с образцами. Если возникнет угроза, что оперативная группа найдет вагон, гитлеровцы постараются помешать оперативникам и проведут заражение местности. Шелестов поежился, когда вспомнил эти рассуждения Платова перед заброской.

– У меня есть предложение, – сказал Буторин, отрывая бечевку от пустой картонной папки. – Какая скорость движения автомашины по пересеченной местности? Никто же не будет спорить, что немецкие ученые двигались не по шоссе на запад, а старались прятаться, избегать шоссе, где постоянные бомбежки. Так вот, не выше тридцати километров в час. И двигаться без перерыва они не могли. Нужен бензин, перегруженной машине нужна вода для радиатора. Даже если они и будут меняться за рулем, отдыхать по очереди, все равно машина не выдержит двух суток непрерывной езды. Будут они останавливаться, будут петлять, искать дорогу, пережидать и снова петлять по проселкам, стараясь пробиться на запад и не оказаться в полосе нашего наступления на оперативном просторе, где танковые армии двигаются широким фронтом по равнинной местности.

– Максимум пять-десять часов в сутки, – кивнул Шелестов, соглашаясь с мыслями Буторина. – И это не по прямой линии, а плукая на местности. Так что удаление от этого поселка в сторону линии фронта у них составит максимум триста километров.

– О чем я и говорю, – с удовлетворением заметил Буторин и, прижав один конец бечевки к точке на карте, где находился поселок, вторым концом провел окружность. – Вот вам длина бечевки в триста километров в масштабе карты. И вот где нам надо их искать. Сидеть они будут теперь и не рыпаться. Ждать помощи, если только успели сообщить о себе, если у них есть рация.

– А если нет, то они будут искать рацию, – добавил Коган. – Я считаю, что надо все-таки исходить из того, что у них в составе группы, которая удирает из лаборатории, не только ученые-крючкотворы, которые в жизни ничего тяжелее столовой ложки в руках не держали. Там могут быть и ээсовцы из охраны. И еще! В лесу они сидеть в землянках не будут. Им необходимо доставать еду, им для связи со своими нужны точные адреса и ориентиры на местности, чтобы встретиться с теми, кто за ними прибудет. А это вам не третья сосна слева от второго бугра на опушке между рекой и горизонтом. Это название улицы и номер дома, это рынок, где много людей, это вокзал и тому подобное.

Старая «полупторка» с расшатанными бортами уехала в сторону аэродрома. Водитель и два легкораненых автоматчика, которым пришлось охранять собранные в поселке материалы, отправились с рапортом Шелестова в отдел Смерш авиационной части. Оттуда сообщение уйдет в Москву. А группа на трех трофейных грузовиках отправится выполнять задание. Тела убитых диверсантов заберут и похоронят местные контрразведчики. Борович распорядился погрузкой, к одной из машин прицепили походную кухню. Когда Каратеев отдал свое письменное заключение для прикрепления к рапорту Шелестова, к нему подошел Коган.

– Да, я вас узнал, Семен Валерьевич. Я начинал вести ваше дело тогда, еще до войны.

– Ах, узнали? – Каратеев повернулся к бывшему следователю всем телом и даже задрожал от нервного возбуждения. – Я думал, что мы для вас все безликие, как листки бумаги, на которых вы пишете свои протоколы. Бездумно, жестоко, лишь бы выслужиться перед начальством и, наверное, чтобы не оказаться на нашем месте. Из-за отсутствия профессионального рвения!

Коган спокойно и даже с каким-то усталым сожалением смотрел на этого человека. Наверное, досталось ему в лагерях или за время следствия, если его и оправдали. Да, следователи были разные, и в следственных изоляторах, в колониях работали совершенно разные люди. И люди, прошедшие лагеря и допросные кабинеты, порой вправе думать о следователях и других работниках НКВД не самое лестное и считать их всех «одним миром мазанными». И что греха таить, те, кто долго работал в НКВД, тоже зачастую думали о задержанных, подследственных, подозреваемых, что они все одинаковые, все враги. Пойманные или еще не пойманные, чья вина уже доказана, а чья – еще нет. Но это вопрос времени. И те, кто имел такую

власть над людьми, очень часто были склонны поторопить время, кулаком поторопить, носком сапога, чтобы подследственный быстрее сознался в том, во что следователь уже и так верил.

– Знаете, Семен Валерьевич, вам, как ученому, следовало бы относиться к людям и явлениям по факту совершившегося события, а не исходя из гипотетических ожиданий или представлений. Я догадываюсь, что кто-то обошелся с вами жестоко, очень жестоко. Но при чем здесь я? Вы слышали от меня грубость, когда я был вашим следователем? Я применял к вам физическое насилие? Ваше отношение ко мне – лишь ваши догадки, и не более. Я действительно боролся с врагами Родины, моего народа и никогда не работал «для галочки», стараясь на бумаге показывать результаты работы. Давайте судить о людях по их настоящим делам, а не руководствуясь фантазиями.

– Сказать можно все, – угрюмо пробормотал Каратеев.

– Именно это я и имею в виду. Давайте не думать о прошлом, давайте делать важное дело, которое нам поручили. Мы с вами сейчас вместе спасаем тысячи, а то и миллионы жизней. Это важнее разных домыслов, фантазий и личной неприязни.

– Вы правы, – кивнул вирусолог и хотел отойти, но все же остановился и снова повернулся к Когану: – Я хотел вам сказать спасибо, Борис Михайлович. Вы меня вытащили, жизнь спасли.

– Пожалуйста, – пожал Коган плечами. – Только на фронте за такое не благодарят. Обычное дело. Без этого нельзя.

Каратеев ушел, а Коган еще долго стоял, с сожалением глядя вслед вирусологу. Ему было жалко этого человека. Жалко потому, что его все же сломали в застенках НКВД следователи-карьеристы, которым плевать на чужую судьбу, которым нужны были цифры, проценты, результаты их работы, продвижение по служебной лестнице. Нет, Каратеев, конечно, не подписал признаний, не оговорил себя по требованию следователя, не назвался иностранным шпионом и заговорщиком против Сталина и советской власти. Но он был сломлен, потому что из застенков вынес ненависть вообще к НКВД, ко всем его сотрудникам. Абстрактная ненависть – это признак слабости, это защитный кокон, в котором человек прячется от действительности. А на войне, чтобы побеждать и выжить, нужна холодная голова, расчетливость. За несколько лет, что работала группа Шелестова, ее члены сумели сплотиться, научились слаженно работать, помогая друг другу, защищая друг друга, думая об общем деле, отдавая работе всего себя и не думая, что кто-то из друзей отдает меньше или делает эту работу ради карьеры, продвижения по службе. Или ты веришь тому, кто сражается с тобой плечом к плечу, веришь, что твоя спина надежно защищена другом, либо ты обречен. На войне надо верить товарищу, или ты погибнешь. Или погибнут по твоей вине другие.

Глава 3

Группа расположилась на окраине городка Дудны. Здесь до войны находилась база потребкооперации. От складов остались только стены, да небольшое административное здание с проломленной кирпичной стеной. Вокруг было много разрушенных домов, наполовину сгоревших. И автоматчики Боровича за несколько часов умудрились восстановить большую часть забора вокруг двора, куда загнали грузовики. Связь с командованием армии осуществлялась через комендатуру, но и особой надобности в такой связи пока не было. Шелестов и так прекрасно знал, что за лесными массивами установлено комбинированное наблюдение. Предупреждены участковые милиционеры, бывшие партизаны, вернувшиеся в колхозы, даже местные вездесущие мальчишки и те следили, не появится ли в округе кто-то чужой.

Иногда подозрительные леса прочесывались подразделениями из частей НКВД, предупреждались работники комендатур, в населенных пунктах налаживалось наблюдение за местами скопления местного населения, где легко затеряться чужаку. Группа выбирала наиболее вероятные направления движения бежавших сотрудников немецкой лаборатории. Нашли два подтверждения, что подозрительных людей видели в этом районе. Полностью доверять сведениям не стоило, но проверять было необходимо любое сообщение. И пока автоматчики охраняли базу, находясь в полной боевой готовности, оперативники выходили в город, выезжали иногда по двое, иногда с несколькими автоматчиками за пределы городка проверять сведения, осматривать подозрительные места, районы.

Особое внимание оперативники уделяли рынкам. Было очевидным, что немцы, не сумев вырваться из кольца, не успев проскочить впереди наступающих советских войск, где-то спрятались и ждут помощи, ищут связь со своим начальством. Они прекрасно понимают, что их будут искать свои, направляя в тыл Красной армии подготовленные группы. И все это время бездействия немцам нужно что-то есть. Откровенно грабить проезжий транспорт или населенные пункты они не станут. Понимают, что такие сигналы от местного населения сразу станут проверять органы НКВД. Значит, они будут действовать хитрее и незаметнее. Например, выменивать продукты на драгоценности, которые у них имелись. А ценности у них были, поскольку заключенные рассказывали, что у всех поступающих в лагерь отбиралось личное имущество: кольца, серьги, наручные и карманные часы, другие вещи, имеющие материальную ценность. Даже просто обувь, одежду в хорошем состоянии можно было обменять на продукты.

Коган с Буториным, переодетые в гражданскую одежду, топтались на рынке все утро. К сожалению, на рынок население несло всякое старье, в надежде поменять на кружку пшена или гречки, пытались выменять соль, сахар. Частенько стало появляться копченое сало, домашняя колбаса, табак россыпью. Первые весенние овощи тоже радовали глаз. Но оперативники больше присматривались к тому, кто приносил вещи на обмен или какие-то безделушки. Присматривались и к людям, которые это старье пытались обменять или продать.

Вот старуха с непослушными седыми волосами, которые все время выбивались из-под старенького платка. Она часто поправляет волосы привычными движениями. Часто переходит с одного места на другое. Оказалось, она просто старается занять место на солнце, погреть старые косточки. Солнце перемещается, и старуха оказывается в тени от навеса. Мелочь, но о многом говорит. Такие мелочи часто выдают людей, которые пытаются играть какую-то роль. Хромой мужчина, продающий табак кулками, свернутыми из газеты. К нему стоит внимательно присмотреться. Выдавать себя за инвалида всегда удобно. Вызывает сочувствие, жалость, снисхождение, чисто интуитивно человек воспринимается как безопасный. Подозрительно? Но нет, хромает всегда одинаково. Иногда морщится, переступая с ноги на ногу. Тоже реалистично. Можно даже определить источник боли. Она не в бедре, не в голени, а где-то в начале стопы.

Вон, он даже наступать норовит с пятки. И опирается все время на другую ногу. Возможно, фронтовик после тяжелого ранения.

Много мелочей, к которым стоит присматриваться. Враг хитер, изворотлив. Иногда Коган с Буториным подходили к людям с вещами, рассматривали их, приценивались, качали головой и отходили. Кажется, ничего особенного и подозрительного. Портсигар довоенный с гравировкой. Коган бросил взгляд на надпись. Юбилейная надпись с благодарностью за службу в милиции. И женщина выглядит вполне мирно. Коган посмотрел ей в глаза и уловил в ответном взгляде тоску и надежду. Может, мужчина купит что-то? Чего так смотрит? Буторин незаметно толкнул напарника локтем и кивнул вправо, где женщина в старом, побитом молью манто торговалась с хозяйкой мешочка крупы.

– Хозяйство, видать, у мамыши за городом, – с одобрением признал Буторин. – Гляди-ка, и пшено, и масло. А маслице-то в наше время на базаре редкость. Корову надо иметь, взбить его. А знаешь для кого масло полезно?

– Для детей и раненых, – прошептал в ответ Коган. – Одни растут, другим организм восстанавливать надо. Ты лучше глянь, что покупательница предлагает. Никак украшения? Давай-ка с двух сторон подойдем, глянем исподтишка.

Оперативники разделились и со скучающим видом двинулись в сторону покупательницы. Но оба опоздали. Женщина в манто что-то передала хозяйке и двинулась к выходу, прижимая к груди холщевую сумку с покупками. Буторин двинулся за ней, а Коган все же успел подойти к деревянному навесу. Ему повезло, женщина, продавшая крупу и масло, какое-то время рассматривала брошь и массивные серьги с камнями. Потом опомнилась, что не стоит держать на виду такие вещи, и, поспешно завернув драгоценности в тряпицу, сунула их под кофту за пазуху.

«А ведь тетка непростая, – подумал Коган. – Видно, что в молодости красивая была. И руки натруженные. Эта не просто скупает дорогие вещи, она помнит им цену, хочет красиво выглядеть после войны, а может, дочь растит, приданое готовит. Видно по ней, что трудом и пшено, и масло ей достаются». В это время к женщине подошел старик с такими же натруженными заскорузлыми руками, как и у нее, и подросток в сапогах на два размера больше. Все трое двинулись с базара, протискиваясь в толпе.

– Смотри, как торопится, – кивнул на женщину в манто Буторин, когда его догнал Коган. – Думаешь, детей спешит кормить?.. Чего задержался?

– Да так, присмотрелся немного к той тетке, что у нее крупу на драгоценности выменяла. Вроде работающая, на перекупщицу не похожа. А брошь с драгоценными или полудрагоценными камнями. И серьги тоже. Такие немало стоят.

– И не оглядывается даже, – снова прокомментировал Буторин. – Ведет себя неосторожно, если она с немцами связана.

– Может, и не связана, – пожал Коган плечами. – Хотя сейчас в городе оглядываться глупо. Она может начать проверять, нет ли слежки, ближе к окраинам. Пошли!

Женщина шла торопливо по тротуару, обогнула стоящий грузовик и снова поспешила по улице. Оперативники шли следом, стараясь случайно не попасться на глаза объекту своего внимания. И когда они поравнялись с грузовиком, из подворотни вдруг вышел старший лейтенант в полевой форме и с повязкой «комендатура» на рукаве и два сержанта с автоматами.

– Комендатура! – строго остановил незнакомцев офицер. – Ваши документы!

– Черт... – вырвалось у Буторина, который увидел, что женщина в манто сейчас дойдет до угла улицы и повернет.

Старший патруля уловил движение незнакомца и расценил его как попытку скрыться. Он рванул кобуру на ремне, сержанты тут же навели автоматы на мужчин. Сейчас еще не хватало, чтобы женщина обернулась и увидела всю эту картину. Потом попасться ей на глаза и не привлечь внимания не удастся.

– А ну, не двигаться, – грозно приказал старший лейтенант, наведя пистолет на мужчин и отведя назад собачку курка. Он повел пистолетом в сторону Когана. – Медленно, сначала ты. Документы доставай. И никаких резких движений. Стреляем сразу на поражение.

– Ну, и дурак, что на поражение! – огрызнулся Коган, доставая удостоверение сотрудника Смерш.

– Товарищ майор... – побледнел офицер и стал запихивать пистолет в кобуру. Другой рукой он попытался опустить ствол автомата одного из своих солдат. – Виноват, но вы же не в форме, я же не знал...

– Враг на нашей территории не должен уничтожаться как на фронте, – процедил Коган сквозь зубы. – Его живым надо брать, информацию от него получать! Это вам понятно, товарищ старший лейтенант?

– Машина ваша? – быстро спросил Буторин. И когда тот в знак подтверждения кивнул, приказал: – Быстро все в машину, бойцы в кузов! Вперед по улице и направо!

Старший патруля замаялся возле самой машины, но Буторин сильным толчком отправил его к кабине, а сам полез вместе с Коганом и автоматчиками в кузов. Оперативники легли на пол, и Буторин, найдя щель в заднем борту, приник к ней глазом.

– Вперед, поехали!

Когда машина свернула за угол, Коган стал дергать напарника за штанину.

– Ну, что там? Видишь ее?

– Тише, не дергай! – отмахнулся Буторин. – Черт, тут пространство открытое, все как на ладони. Эх, век бы не видеть этого вашего патруля! Как же вы не вовремя... Эй, бойцы, скажите командиру, пусть сворачивает налево и заезжает за развалины на окраине!

Автоматчики передали старшему лейтенанту приказ, и машина послушно повернула. Буторин очень беспокоился, чтобы и женщину из виду не потерять, и подозрений в ней не возбудить. Когда машина свернула за угол и, хрустя колесами по битому кирпичу, остановилась, оперативники подняли головы, убедившись, что их со стороны пустыря не видно. Буторин строго приказал патрульным не двигаться с места полчаса, а потом уезжать. Женщину с вершины разбитой кирпичной стены было хорошо видно. Она уходила в лес по еле заметной грунтовой дороге, уже основательно зарастающей травой. Видно, что по этой дороге давно никто не ездил.

– Что будем делать? – спросил Буторин.

– Между прочим, она ни разу не оглянулась, – напомнил Коган.

– Может быть, она так хорошо подготовлена, что умеет «проверяться», не выдавая себя? – Буторин с сомнением покачал головой. – И зачем в лаборатории вирусологов специалист с такими навыками?

– Специалиста им могли прислать за это время, пока они сидят где-то неподалеку и ждут спасения, – проворчал Коган. – Хватит болтать, Виктор, надо догонять ее, а то потеряем. Ее все равно надо устанавливать.

– Хорошо, давай вон левее, там вроде лощинка есть. По ней до леса, а потом напрямик будем догонять эту даму. Надеюсь, она не вооружена...

Лес встретил их прохладой, птичьим щебетом и запахом прелой листвы. До чего же приятно после топтания на жаркой площади, тряски на пыльном полу кузова «полторки» вступить в чистый свежий лес и вдохнуть его живительный аромат полной грудью. Буторин покрутился на месте, потом решительно махнул рукой в выбранном направлении, и они заспешили, перейдя на легкий бег. Открытые пространства, где росли раскидистые березы и большие дубы, перемежались зарослями древесного подроста, буйного кустарника. Через несколько минут, когда впереди мелькнуло среди деревьев приметное манто женщины, Коган предложил разделить. Он пошел следом за женщиной по тропе, прикрываясь деревьями, а Буторин двинулся параллельно. Не прошло и получаса, как впереди показались остатки невысокого деревянного

забора и высокие столбы, на которых, судя по всему, когда-то висели ворота. От всего этого вдруг где-то внутри защемило от довоенных воспоминаний, вспомнился беззаботный детский смех, юные пионеры с сачками для ловли бабочек, купание на песчаном берегу реки. Все это было совсем недавно, всего несколько лет назад на всей территории Советского Союза это была привычная и радостная для сердца картина. Пионерский лагерь, это же бывший пионерский лагерь!

Женщина прошла между столбами. Буторин и Коган следовали почти по пятам. На заросшей травой территории почти ничего не осталось. Деревянные летние домики почти все сгорели или развалились. Но одно здание с обширной верандой каким-то чудом уцелело. Правда, стекол там не осталось и окна были заставлены фанерой, покоробившимся картоном, забиты каким-то тряпьем. Из одного окна торчала труба печки-буржуйки, откуда тянулся слабенький дымок. Женщина взбежала по ступеням и скрылась в домике.

– Да, – задумчиво протянул Коган. – Вот все, что осталось от беззаботного детства наших ребяташек. Отняли у них детство, танковыми гусеницами по нему прошли.

– Ничего, вернем, – убежденно ответил Буторин. – Дети быстро забывают страшное. Это старики остаток дней носят в сердце прежнюю боль и давно пережитое горе. Слушай, а ведь это место было когда-то клубом или актовым залом в пионерском лагере. У меня была одна знакомая пионервожатая...

– Ну, еще один любитель женщин, – проворчал Коган. – Вас с Сосновским в одной капюсте, похоже, нашли. Ты лучше мне скажи, что здесь такое? К кому она пришла?

– Ты часовых видел? Боевое охранение есть? Нет! Не военные это и даже не немцы. Те, кто прячется, ведут себя еще тише и незаметнее, а эти просто тут живут. Так что вставай, отряхивай штаны и пошли смотреть. Только давай я первый, а ты на пять шагов сзади и оружие держи наготове.

– Ага, – усмехнулся Коган. – Правильные выводы, значит, сделал, а оружие все равно наготове. Ладно, пошли, я тоже думаю, что если это немецкие ученые, то они представления не имеют о боевом охранении и караульной службе.

Они поднялись, отряхнулись и двинулись в сторону веранды. Буторин передвинул ближе к животу пистолет, засунутый за брючный ремень, сдвинул на затылок кепку и, стараясь идти по ступеням так, чтобы они не скрипели, поднялся на веранду. Здесь было пусто, пыльно. Миновав веранду, он остановился в дверном проеме, где не было двери, и осторожно высунул голову. Картина была довольно характерная для «ночлежки». Честно говоря, Буторин никогда настоящей ночлежки не видел, потому что это слово было из истории дореволюционной страны. Но сейчас он понял, что выглядеть ночлежка должна была именно так.

На полу в самых разных углах были разложены полосатые грязные матрасы с вылезавшей ватой. Некоторые были покрыты брезентом или старыми занавесками с окон. Одежд было мало и почти все они были с прожженными дырами. На матрасах сидели и лежали люди. Немного: шестеро мужчин и три женщины с маленькими детьми. На одной женщине и двух мужчинах грязные бинты. Запах здесь стоял не особенно приятный, но больше запаха тяготила сама атмосфера какой-то обреченности и безысходности.

– Здравствуйте, товарищи, – громко сказал Буторин и с улыбкой вошел в комнату. – И что это у нас тут за партизанский отряд? Есть раненые? Кто вы такие?

Люди испуганно зашевелились, уставившись на незнакомца. Женщина в манто прикрыла рот рукой и прижалась спиной к стене. Просто испуганные люди, несчастные, всеми брошенные. Внутри у Буторина все сжалось. Он прошел к столу, покрытому старой газетой с крошками хлеба, подвинул стул и уселся на него. Бросив на стол свою кепку, он разглядывал людей.

– Не бойтесь меня, – заявил он, проведя рукой по волосам и пригладив непослушный седой ежик на голове. – Мы из военной контрразведки. Какая вам нужна помощь, кто вы такие и почему тут живете?

– Люди мы, – покашливая, ответил за всех мужчина с недельной седой щетиной на лице и впалыми глазами с черными кругами. – Да вот только никому, видать, не нужные люди. Фашиста пережили, а вон Митро и Харитон даже в партизанском отряде повоевали. А теперь... документов нет, значит, и нас нет. Калеки, работать никто не может, ни у кого дома не осталось. Здесь вот осели, выживаем. Меняет Лариса Сергеевна на базаре, что ценного осталось, кормит нас, лечит, как может. А что будет зимой, и думать не хочется.

– Лариса Сергеевна – это вы? – Коган подошел к женщине. – Вы, наверное, врач?

– Да, врач поселковой амбулатории, – тихо ответила женщина, и на ее глазах навернулись слезы. – Только она сгорела еще в сорок первом году.

– А что же вы к властям не пошли?

– К каким властям? – Женщина вдруг перешла почти на крик. – Нас было двое, я и санитарка Марина. Бойкая такая девушка, студентка. Она и пошла правды добиваться! Где она и что с ней, я не знаю. Я только видела, как ее сажали в черную машину, а лицо у нее было в крови.

– Ну, вот что, товарищи дорогие, – хмуро сказал Буторин. – Мы не местные органы, мы из Москвы прилетели. И кое-что можем сделать. Обещаю вам, что еще сегодня вы все будете отправлены в госпиталь, где нуждающимся окажут медицинскую помощь. Остальных обследуют и соответствующие органы милиции займутся подготовкой вам документов, чтобы вы могли встать на учет, получить, кому положено, пенсию, а тот, кто может, чтобы и на работу устроился. Не бойтесь больше ничего!

– Вы правда это сделаете? – Лариса Сергеевна подошла к столу и остановилась, теребя в руках носовой платок.

– Можете не сомневаться, – резко сказал Коган. – Не для того мы врага гоним с советской земли, чтобы советские люди продолжали мучиться.

– Но с вами нам надо поговорить, дорогая Лариса Сергеевна, – сказал Буторин. – Только потом. Сначала нужно позаботиться обо всех ваших подопечных и найти санитарку Марину. Мне кажется, она кинулась отстаивать права людей на заботу государства и перегнула палку, а кто-то из местного начальства обиделся. Разберемся! Не переживайте. Не имеет права никто на свой народ обижаться. Для него воюем и для него работаем.

Шелестов, узнав о лагере несчастных в лесу недалеко от городка, организовал разнос местному руководству и пригрозил трибуналом. Представитель контрразведки армии поддержал Шелестова, намекнув, что оперативная группа подполковника находится на прямой связи с Платовым и Берией. Это решило все проблемы, и к вечеру три «студебекера» группы уже вывозили из леса людей. А в военном госпитале им уже приготовили места. А потом Буторин и Коган с умилением наблюдали, как Лариса Ивановна обнималась с девушкой по имени Марина, как они обе плакали от радости, вытирая друг другу слезы. Марину вытащили из камеры отделения милиции и чуть было не посадили туда самого начальника милиции, но Шелестов решил все же клоунаду не устраивать. Пусть в ситуации разбираются те, кому положено. Сейчас важнее было другое.

Вечером Шелестов пригласил Ларису Сергеевну на базу группы. Он узнал, что ее через пару дней возьмут на работу в госпиталь и даже выделят комнату при здании госпиталя, но эту пару дней жить ей было негде. А возвращаться одной в ночной лес и жить там, когда никого уже...

– Комнату мы вам и здесь найдем, – улыбнулся Шелестов. – Такие человеческие качества заставляют меня и вам ответить тем же добром, с которым вы ухаживали и заботились об этих людях. Вы, наверное, на базар свое носили менять на еду? Это были ваши украшения? Дорогие, наверное?

– Да, это последнее, что у меня было, – вздохнула женщина, держа кружку с горячим чаем двумя руками и задумчиво глядя на огонь в буржуйке. – Мы все, что могли, уже обменяли.

И на еду, и на лекарства. Даже вещи, какие были, я носила на базар. Даже не знаю, что бы я стала делать, не встретиться мне ваши Виктор и Борис. Они меня приняли за кого-то другого? Наверное, за перекупщицу краденого?

Шелестов с улыбкой посмотрел на Ларису Сергеевну и подлили ей еще чаю. Удивительная женщина, хотя что тут удивительного, когда все, кто оставался на оккупированной территории, через кого прошла война, все выживали как могли, все отдавали последнее. Один блокадный Ленинград чего стоил. Вот где памятник мужеству людей ставить надо!

– Ну, мы не столько вас подозревали, – рассмеялся Шелестов, – сколько надеялись через вас выйти на тех, кто действительно этим занимается. Скупает, обменивает, за бесценок выкупает у голодных людей дорогие вещи, украшения. Правда дорогие украшения были?

– Цена их в рублях невелика, – пожалала Лариса Сергеевна плечами. – Больше то, что они мне действительно очень дороги. Это подарок моего погибшего на фронте мужа. А дорогие я еще не успела отнести.

Женщина достала из бокового кармана жакета сверток и стала разворачивать его на столе. Шелестов замер, залюбовавшись игрой света на камнях. Два перстня, явно старинных, может быть, еще дореволюционных. Еще одни серьги с длинными подвесками, кулон на золотой цепочке.

– Сберегли! – похвалил он. – Теперь обменивать их вам уже не понадобится. В госпитале хороший паек, да и жизнь скоро в этих краях наладится. На зарплату можно будет и комнату снять, и одежду купить. А может быть, вы и вернетесь в Москву? Вы откуда родом?

– Из Белгорода, – вздохнула женщина, перебирая свои драгоценности. – Только возвращаться мне пока некуда. Мой дом сгорел, одни руины на нашей улице.

– Отстроят, – убежденно сказал Шелестов. – Обязательно все отстроят. А эти драгоценности... Вот возьмете, когда война кончится, наденете их и пойдете в театр! Или на концерт!

– Может быть, – устало ответила Лариса Сергеевна. – Я же их чуть не обменяла на продукты питания.

– На эти драгоценности машину продуктов можно купить, – насторожился Шелестов. – С ними не на базар надо ходить...

– Да я не собиралась идти с ними на базар. Я понимаю, что всю нашу больничную палату в том пионерском лагере не прокормить пакетиком пшена и ста граммами сливочного масла. Мужчина один обещал посодействовать. Я понимаю, что он, может быть, украл эти продукты, хотя говорил, что это его запасы и ему надо срочно их продать, пока не испортились. Он якобы запасался, когда немцы должны были прийти сюда. Вы простите, Максим Андреевич, но когда находишься в отчаянном положении, то мало думаешь о законности сделки. Когда хочешь выжить, то...

– Лариса Сергеевна. – Шелестов посмотрел женщине в глаза. – Вы понимаете, что мы в этом городке, в этой местности совсем не случайно?

– Вы... – Женщина замолчала и внимательно посмотрела на собеседника. Потом она понимающе кивнула: – Значит, вы как раз и ищете подобных этому человеку? Он вор? Или еще что-то похуже?

– Ответить на ваши вопросы я не могу, вы должны понять, что не подлежит разглашению...

– Да, конечно, я все понимаю. Мой муж был военным, командиром. И я прекрасно знаю, что есть вопросы, которые нельзя обсуждать, вещи, которые нельзя разглашать.

– Расскажите мне об этом человеке? – попросил Шелестов. – Только я попрошу вас подождать минуту, я приглашу своих товарищей.

И когда вся группа в полном составе собралась в комнате, Лариса Сергеевна стала рассказывать, как три дня назад на том же базаре она столкнулась с мужчиной. Очень неприятной внешности мужчина. Небритый, одежда мятая, как будто он на огороде ночь спал. И пахло от

него нехорошо. Женщина столкнулась с ним в торговых рядах и попыталась обойти, но он стал ее внимательно рассматривать. Лариса Сергеевна все же обошла этого неприятного типа. Она в тот день обменяла на продукты еще вполне крепкие, почти не ношенные солдатские ботинки и крепкую стираную нательную рубаху. Этому мужчине она снова увидела, когда шла к выходу с рынка, и испугалась. Он как будто стоял у выхода и кого-то ждал. Лариса Сергеевна представила, что ей придется идти сейчас одной за город, а потом по лесу. А вдруг этот человек пойдет за ней? Что тогда делать?

И вот в этот момент к ней подошел другой человек, который назвался Иваном Богдановичем.

– Совершенно другой человек, – покачала головой женщина, для убедительности прижимая руки к груди. – Может, это меня и подкупило, может быть, такой контраст и сыграл со мной злую шутку. Поверила ему сразу. Знаете, о таких в народе говорят «справный». Выбрит чисто, и от него даже одеколоном пахло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.